

Хайриддин СУЛТАНОВ

РАССКАЗЫ

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАЛЕКОМ «АРТЕКЕ»

Эта история произошла много лет тому назад – в моем далеком детстве, когда я еще не только не читал рассказа О'Генри «Дары волхвов», куда читать, даже не слышал об этом имени, даже невозможно было что-то знать о нем.

Я был одним из участников этой истории.

Вот эта история.

В одной из деревенских школ, у подножия гор, учился мальчик, отличник. Однажды во время занятий его, этого отличника, срочно вызвали в кабинет директора школы.

На следующий день во время большой перемены, когда отличник разговаривал с друзьями у водоема во дворе, из динамика, установленного на ветке орешника, раздался голос рыжей Салимы из 8 «Б», как трель птицы:

Внимание, внимание! Говорим из школьного радиоузла. Познакомим с новостями нашей школы. Вчера из районного комитета комсомола пришло радостное сообщение: за высокие успехи в учебе и в общественной жизни ученик 7 «Б», председатель совета дружины...

У Отличника гудели уши, услышав свое имя, он покраснел от счастья и пытался вести себя спокойно, будто ничего не произошло, будто не слышал ни имени, ни сообщения.

... награждается бесплатной путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек»...

Отличник заметил, что вокруг установилась внезапная тишина, как под водой, ловил разные взгляды на нагревающемся, как медь, лице, чувствуя себя как человек, у которого

поднимается жар: в «Артек!», в «Артек?!», в «Артек»... Какой счастливец!

Все завидовали Отличнику. Все сразу захотели дружить с ним. Все сожалели, что сами не отличники, как он.

В тот день в 7 «А» все остальные три часа занятий все только и делали, что спорили, обсуждали приятную весть.

Учитель географии Магриф Салиев хвалил Отличника, вызвав его к доске, показал на карте зеленое пятно размером с монету.

Едешь в Крым, – сказал он. – Вот он, «Артек».

У Отличника екнуло сердце. Он не отрывал взгляда от зеленого пятна на карте (на этой огромной карте не была указана его маленькая деревня у подножия высоких гор, он хотел мысленно измерить то место, куда едет, но не мог, оно не помещалось в его детском воображении, стало даже... страшновато).

Мне привезешь указку, – сказал учитель, ударив по ладони линейкой, что держал в руке. – Там растет самшит, указки делают из нее. Конечно, своя была очень даже хорошая...

У учителя, действительно, указка была хорошая: пестрая, как змеиная чешуя, гладкая, причудливые узоры блестели темным отблеском. В основном он использовал ее не для того, чтобы показывать ученикам на карте далекие страны, неизвестные горы, моря, а как эффективное средство по установлению дисциплины среди непослушных ребят. И семь месяцев тому назад он лишился ее: тогда указка была «мобилизована» для умирения Тахира, по кличке «Тайхар», сидевшего за самой последней партой в классе, но Тахир ловко увертывался, и указка, ударившись о подоконник...

Когда Базар-председатель ездил туда на курорт, я просил, но он не привез, – кончил учитель, погрузнев.

Следующим был урок узбекского языка. Но так вышло, что учитель узбекского заболел, и вместо него в класс вошла учительница русского языка, Елена Никитична. Только после того, как Отличник услышал ее волнующий рассказ об «Артеке»,

уверился, что поймал синюю птицу.

Оказывается, Елена Никитична, будучи студенткой в городе Симферополе, один сезон проработала пионервожатой в «Артеке». О, «Артек!». О, край вечного счастья! Разве возможно забыть эти дни! У твоих ног – строптивые буруны Черного моря, омываемые теплой водой пески, чайки, играющие с волнами, на верху – величественные скалы Медвежьих гор, вечно зеленые ели, родники, как глаза у журавля...

Учительница рассказывала с вдохновением, Отличник слушал так же. И на карте, на месте того зеленого пятна размером, с монету, появилась таинственная, прекрасная, как сказка, долина легенд.

Закончив свой рассказ, Елена Никитична протянула ему толстую тетрадь с сафьяновой обложкой.

Напишешь о своих впечатлениях об «Артеке». По возвращении прочитаешь одноклассникам. Вот, сам увидишь, это будет память тебе на всю жизнь.

По всей деревне ходил слух: «Отличник-де едет в Крым!»

Мать была на работе, а когда слышала об этом...

Умереть бы мне за тебя! – сказав так, она перешагнула порог со слезами на глазах. – Умереть бы твоей маме!

Потом, прижав сына к груди, целовала в лоб, глаза, лицо, увидев, что он ростом с нее, прослезилась больше прежнего:

Жаль, что бедный отец не должен до этих дней...

Не плачьте мама, – сказал мальчик с волнением на душе.

Ой, почему... я не плачу, – сказала она, не переставая плакать. – Ты поедешь в такие края, стал уже взрослым человеком, я разве не радуюсь? Плачу-то от радости, что мне делать...

Вечером Отличнику, делавшему уроки, сидя сгорбившись за низким столом, послышался разговор матери с кем-то во дворе.

Хорошо, сейчас позову его сюда, – сказала она, спустя немного времени.

Нет, нет, сама зайду! – раздался голос незнакомой женщины, и не прошло и минуты, как мать зашла вместе со старухой в очках,

в халате с большими цветами.

Отличник, вставая с места, поздоровался, узнал ее: работает на почте, в центре кишлака, видел, сходяв туда разок, чтобы получить пособие за умершего отца.

Пожалуйста, тетя Сабрие, проходите вглубь комнаты, – сказала мать, расстилая там курпачу.

Нет, нет, не беспокойся, – сказала тетя Сабрие и села вблизи порога. – Сама тоже сядь. Вот этот сын поедет?

Мать кивнула головой, сказала, взглянув на сына:

Тетя Сабрие пришла, чтобы увидеть тебя.

Отличник, удивившись, внимательно посмотрел на нее: зачем ей меня видеть?

Мне Сервер говорил, – сказала тетя Сабрие. – «Сын Хислат поедет в Крым», – сказал он. Спрашивала, нашла ваш дом, и вот, прямиком пришла.

Очень хорошо сделали, что пришли, тетя Сабрие – сказала мать, расстилая дастархан. – Угощайтесь, берите лепешки. Да, сама только что услышала в конторе. Только кончила мести второй этаж, поднимаюсь по лестнице с водой и вижу Машрубуну, невестку Хаджи. «Ой, Хислат опа, ваш сын вот-вот едет в Артик, а вы так ходите», – говорит она. Я спросила, что такое Артик, а оказывается... Не знаю, далековато, что с ним будет.

Нет, нет, не говори, как «далеко»? – заголосила тетя Сабрие, поставив пиалушку на дастархан. – А ты на самолете летишь или едешь на поезде? – вдруг обратилась она к мальчику.

Не знаю, – сказал мальчик, пожимая плечами.

На поезде хорошо, – убедила его тетя Сабрие. – Увидишь многие города, кучу мест. Самолет не годится: облако за облаком...

Кто знает, тетя Сабрие, а вдруг он заблудится?

Да нет, брось это, не заблудится! – сказала тетя Сабрие, взмахнув руками. – С чего ему заблудиться? Не беспокойся, отправь. Разве есть на свете место, лучше Крыма! Там чудное море, чудные виноградные сады. Сколько там пробудешь?

Говорят, один месяц.

Ах, как хорошо! У меня к тебе одна просьба: внизу от «Артека» есть вода родника Дерменгуль. Это – святое место, туда вода течет прямоком из рая. Чуть спустившись от воды Дерменгуль, омоешь руки, лицо и совершишь молитву от моего имени, хорошо?

Отличник, хотя не понимал смысла этих слов, кивнул головой, изумился. У тети Сабрие на глазах навернулись слезы, голос дрожал:

Если возможность будет, привези одну бутылку воды Дерменгуль. Глотнуть каплю этой воды и умереть – вот моя мечта! Привезешь, сын мой?

Ладно, – сказал Отличник, удивляясь. – Хорошо...

Слава Богу! Много ему славы! – воскликнула тетя Сабрие, взирая на Отличника с завистью. – Обязательно поезжай. Человеку, увидевшему Крым, не обязательно увидеть рай, Хислат!

Да, что вы... – сказала мать Отличника, сдаваясь.

На следующий день директор школы Хикматов, освободив Отличника от занятий, отправил его в райцентр.

Ты видал двухэтажное здание около универсама? Войдешь туда, на первом этаже, подойдешь к пятой двери, слева. Легко найти, на двери написано: «Первый секретарь районного комитета комсомола Базаров». Понял?

– Алло, товарищ Хикматов?

– Слушаю.

– Здравствуйте, это – Базаров, с райкома комсомола.

– О, Ибрагимджан! Как здоровье?

– Спасибо, учитель, сами как? Говорил с тем учеником, которого вы рекомендовали.

– Был у вас? Утром его отправил...

– Хорошо, мальчик, кажется, способный. И за словами в карман не лезет.

– Это наш отличник, самый активный ученик. Очень

напористый.

– Заметно. Мы тоже имели в виду такую кандидатуру.

– Значит, решено?

– Решено-то, решено, есть одно «но»!

– Ну?

– У вашего ученика, какое семейное положение?

– Семейное положение... В каком смысле?

– Я с ним поговорил. Говорит, что отца нет, есть шестеро братишек...

– Да, два года тому назад умер отец. Кажется, был рак... Есть мать.

– Уборщица?

– Да, в колхозной конторе.

Вы знаете, путевка-то бесплатная, но... нужно будет немного денег и самому мальчику. Как говорится, на мелкие карманные расходы. Кроме того, если не пары две приличной одежды, будет стыдно и ему, и нам... Вы слышите меня?

– Слышу, Ибрагимджан.

– Что делать с этим?

– Ну – у... Бедность – не порок, Ибрагимджан.

Да, учитель, я, конечно, понимаю. Просто хотел посоветоваться... Может, сами с его мамой поговорите?

– Ладно.

– Я, может, вам перезвоню.

Под вечер мать вдруг засобиралась к брату, жившему в соседней деревне.

– В котле есть суп, раздашь младшим. Я съезжу к твоему дяде.

– Что будете делать у дяди?

– Есть дело.

– Какое дело? – спросил Отличник, еще больше удивляясь.

Мать, взяла из кладовой махси – обувь из мягкой кожи – одевая ее, взглянула на него.

– Что будете делать у дяди? – спросил он еще раз.

Мелочный же ты у меня! Говорю же тебе – по делу, и хватит! – сказала мать почему-то нервно.

Около полуночи приехал дядя – человек с голубыми глазами, худощавый – погрузив теленка на прицеп своего трактора. Он поздоровался с мальчиком, прижав его так сильно к груди, что у того захрустели кости.

Вот это да, племянничек! Молодец! Молодец! – говорил он, не переставая улыбаться. Когда, войдя в дом, сидели за чаем, дядя вдруг, в порыве нежности взъерошив волосы племянника, сказал: – Да, сестра, ни в коем случае не беспокойся, деньги – это как грязь на ладони: сегодня есть, завтра нет. Бог видит, во что бы то ни стало – если даже поставлю себя под залог! – отправлю его! Послезавтра разом продадим теленка и отправимся, сказав: «Где ты, Артек!» Правда, племянничек? Айда молодец!

Отличник сразу понял то нервное состояние матери. Душа как-то сникла.

Дядя уехал. Мать заснула. Отличнику не спалось.

Он кинул взор на двор из окна – кончается осень, деревья совсем голые.

Вот-вот наступит зима. Вот-вот пойдет снег. Тут зима суровая. По словам Елены Никитичны, в Крыму, оказывается, летом и зимой тепло. Скоро он отправится в далекий путь. Останутся мать, братишки. Мать, как обычно, в такой лютый мороз будет мыть полы конторы, пытаясь согреть теплым дыханием свои посиневшие от холода пальцы, сполоснув грязную тряпку в холодной воде. А братишки, один – в рваной шапке, другой – в худых сапогах, идут по снежным тропам в школу, дрожа от холода. В это время он нежится в долине легенд – на берегу Черного моря, в объятиях теплых волн, купаясь и брызгаясь каплями воды, похожими на жемчуг...

От стыда потемнело в глазах.

Базаров весь день думал об Отличнике. Его умный взгляд никак не выходил из его головы.

«Хакимов прав, бедность не порок. Во что бы то ни стало надо

помочь, дух поднимется. Завтра...»

Базаров поздно вернулся с работы. Утром с женой произошла ссора непонятно из-за чего. У него испортилось настроение. И на работу вышел как-то отчужденно, успокаиваясь повседневными занятиями, Отличника запомнил.

Почему так говоришь, сынок? – губы матери вздрогнули от печали. – Ведь дядя специально для тебя...

Сказал же мама, не надо, скажите дяде, не надо.

Мать, прослезившись, гладила его плечи:

– Не стесняйся, у джигита богатство – под ногами, вернешь дяде, когда подрастешь...

– Нет, мама... Опаздываю в школу. Скажите дяде, пусть увезет своего теленка.

– Подожди же, не торопись...

Прошла целая неделя.

Однажды вечером Базаров радостный вернулся домой с банкета, устроенного в честь проводов на пенсию заведующей организационным отделом райкома Рашиды опа. А утром, проснувшись, увидел, что жена пекла на завтрак памурда-самсу. Пил чай, бросив несколько ласковых шуток в адрес жены, а когда оделся и собрался на работу, в сердце проснулась доброта, внезапно вспомнил об Отличнике.

– Алло, это товарищ Хикматов?

– Да, Ибрагимджан, как вы?

Спасибо. Значит, я еще раз подумал о нашем вчерашнем разговоре: а что будет, если школа возьмет на себя некоторую часть расходов?

– Ладно, с расходами-то, тут у нас появилась другая новость.

– Ну?

– Ученик наш передумал. Не поеду, говорит.

– А мать? Что говорит мать?

Мать-то из кожи вон лезет, чтобы он поехал, согласна была даже... ну, сами знаете. Я удивлен, это так неожиданно...

Странно. Есть, наверное, какая-то причина?

Как раз об этом мы ничего и не можем узнать, Ибрагимджан.

Да-да... Но, прошу вас, поговорите еще раз, объясните, что такое счастье выпадает человеку один раз в жизни. Сегодня-завтра мы должны сообщить в обком комсомола.

– Да, да. Лишь бы согласился. Вышло очень некстати.

– Позвоните потом.

В тот день мать долго лежала, без сна и никак не могла собраться с мыслями.

«Бедность не порок, – сказала, вздохнув. – Что я могу сделать, у него все еще впереди, если суждено, каких мест еще ни увидит».

Базаров опять поздно вернулся с работы.

«Да, много проблем, – думал он перед сном. – Хорошо, что он сам дал отвод... Бедняга, поехал бы...»

Отличник сидел на супе, обнимая колени руками, ни о чем не думая, грустя. Сквозь стволы виноградников перед его взглядом, ему виделось бесконечное небо – море бесконечной мечты. Такое бесконечное, как море, где находится «Артек», такое далекое, как само море, где «Артек»...

Повсюду была тишина.

Вот и вся история.

Если бы однажды не прочел, чисто случайно, рассказа О' Генри «Дары волхвов», напрочь забыл бы эту далекую историю, происходившую много лет тому назад. Как только прочел рассказ, вспомнил ту историю, а вспомнив ту историю, еще раз прочел его и вдруг сильно удивился, поняв, что везде и повсюду судьба обычных людей одинакова, что в самом деле у них и исповедь, и доброта, любовь и ненависть одна. Еще раз вспомнил ту историю. Тогда мне показалось, что многие загадки, до сих пор скрыто лежавшие в моей душе, вдруг прояснились...

Повсюду была тишина.

Никто не заметил – даже сам Отличник – что в ту ночь был сломлен дух мальчика, лежавшего на супе без сна, появилась

трещина в его душе.

Теперь эта трещина с каждым днем расширяется, а постепенно расширяясь, расколет его душу на две части. Вошедший через эту трещину Страх станет единственным владельцем его душевного состояния. Пройдут года, мальчик подрастет, детство останется позади, и «Артек», как далекое, горькое воспоминание о детстве, утонет в мечтах, находившихся в глубине души. Он проживет всю свою жизнь во внутреннем страхе: куда бы он ни пошел, протягивать руку свою к ручке двери он будет с содроганием в сердце, с тысячами опасениями и стеснений, с предсмертной смелостью, всю жизнь будет чувствовать постоянный удар по коленям незнакомого, невидимого препятствия. В течение всей своей жизни он ни разу не ощутит радости настоящего полета, не попробует вкуса полета среди пухлых облаков – никогда не забудет, что когда-то, при первом взлете, поранившись, он упал с неба, насмерть ударившись о землю... А люди, имеющие язык, рассказывая о судьбе его, с сожалением вопрошают: «Кто же сломал тебе крылья, птенчик?»

Кто в этом виноват?

Никто.

Потому что бедность не порок!

Бедность не порок.

Правильно.

Если бедность не порок, почему никто не хочет стать бедняком? Почему никто не раздаст свое богатство бедным и сам не станет одним из них? Почему никто не гордится своей бедностью?..

Мне, прожившему на этом свете много или, может быть, мало, до сих пор не ясны ответы на эти вопросы.

Один ли я такой?..

Прошел целый месяц. Тетя Сабрие вновь пришла увидеть Отличника.

Мать лежала в больнице, болела печень. Отличник был один

и, не выдержав скорбного взора тети Сабрие, пригласил ее в комнату, сам спешно отправился на кухню, взял бутылку из-под лимонада, стоявшую в нише, наполнил водой и, забив горлышко пробкой из фольги из-под коробки от чая, протянул тете Сабрие.

Слава богу! – сказала старуха и вдруг заплакала. – Много ему славы! Теперь и умереть не обидно...

На третий день Отличник, посетив лежавшую в больнице маму, на обратном пути зашел на почту: в тот день давали пособие за отца. Когда спросил у толстой женщины в очках, сидевшей за стеклянной оградой, про тетю Сабрие, она, тяжело вздохнув, сказала:

Ведь тетя Сабрие... умерла, сын мой.

Отличник, весь дрогнув, ослабев всем телом, спросил:

– Когда?

– Вчера. В полдень справили похороны. Ты по какому делу пришел?

Отличник, забыв, зачем сюда пришел, опустив голову, вышел.

«Теперь и умереть можно без сожаления!»

Естественно, тогда Отличник был почти ребенком, к тому же он многого не понимал. Я иногда желаю узнать, что он думает сейчас, в эти дни, о событиях тех лет?

К сожалению, теперь это невозможно: в мутном течении жизни я давно потерял след того мальчика, Отличника, наивного, с глазами, полными печали.

Удастся ли мне еще раз встретить его?

Не знаю.

Если бы знал...

У меня остались только вот эти воспоминания от тех далеких дней.

1981-1991гг.

ПЛАСТИНКА

Посвящаю Низаму Камилову

Мой трехлетний сынишка сломал ногу.

Мы поохали, побранились, затем отвезли его к врачу и привезли обратно в гипсе.

Мальчик оказался запертым в доме: ни тебе садика, ни друзей, игрушек — навалом, только все они уже надоели. А спустаться во двор с восьмого этажа тоже не легко.

И сынишка мой сильно заскучал, по словам жены, по сто раз в день задавал один и тот же вопрос: «Когда придет мой папа?»

И вот, вечером, возвратившись с работы, я нажимаю кнопку звонка. И в тот же миг изнутри доносится другой звонок — это сынишка, волоча загипсованную ножку, подходит к порогу (кто знает, а может, он весь день там и сидел) и, задыхаясь, радостно начинает кричать: «Мой папа! Мой папа пришел! Мама, папа пришел, откройте!» И если мама хоть на минутку замешкается, он начинает кричать на нее: «Откройте, откройте, почему же вы не открываете?!»

Едва открывается дверь, он кидается мне на грудь. Мы входим в квартиру. Я еще не успеваю переодеться, а он уже настойчиво торопит: «Папа, почитайте мне мою книжку!»

Мы с женой переглядываемся и смеемся. Он взглядывает на нас вытаращенными глазенками и, сунув под мышку свою «книжку», начинает карабкаться на стул. Прикрикивая на него, я поднимаю его на вытянутых руках. Он кладет обе ручонки мне на плечи и повторяет настойчиво: «Прочитайте!»

— Оббо! Опять начинаешь?— со смехом говорит мама.— Не спеши, пускай папа твой сперва хоть чаю выпьет. Ой, читатель ты мой!

Сынишка, не обращая на нее ни малейшего внимания, сует мне в руку свою «книжку». Эта его «книжка»—альбом. Красочный альбом Чингиза Ахмарова «Восточные образы», изданный в Москве. В тот день, когда он сломал ногу, жена, оказываясь, чтобы как-то утешить его, дала ему среди других книг и этот альбом, и с тех пор считает его своим. И вот уже почти две недели мы с ним вместе читаем эту «книжку». Интересное у нас получается чтение: в начале альбома имеется кратенькое предисловие да подписи под рисунками в несколько слов, и всё. И я, глядя на эти рисунки, «читаю», то есть, сочиняю по-своему рассказ или сказку какую. Например, открыв страницу, на которой изображен караванбаши — начальник каравана — я начинаю примерно так: «Было — не было, жил-был в стародавние времена один мудрый старец. И был у него чудесный верблюд. И вот однажды, когда он ехал на своем верблюде, то вдруг заблудился...»

— А потом?— спрашивает сынишка.

— Потом... пошли, сынок, давай-ка выпьем чаю, вон мама нас зовет.

— Ну, а потом?— нетерпеливо повторяет он.

— Эй!— говорю я, не находя ответа.— Потом...— Как хорошо было бы, если бы в чертову башку пришла идея потолковее!— Потом мудрый старец стал искать свой дом, заставляя верблюда бежать. Вот, видишь, верблюд бежит.

— А почему он заблудился?— Широко раскрыв глазенки, сынишка смотрит на меня.

Почувствовав, что наступило время воспитательного вывода, я назидательно продолжаю:

— Потому что он не ел, оказывается. Вот, кто не ест, тот вот так сбивается с пути.

— А потом?

— Потом плачет, не в силах отыскать свой дом.

— Остыло ведь уже все, идите,— говорит жена.

— Пошли, сынок.

— А потом что делал мудрый старец?

— Потом он нашел свой дом, достиг цели. Ну-ка, вставай, сынок.

Сынишка поспешно переворачивает страницу.

— Прочитайте вот это.

— Ладно, только сначала давай-ка поедим. Ну, пойдём же.

Но и на кухне он кладет перед собой «книжку»:

— Читайте.

— Ну, это — Фархад. Богатырь, сильный парень. Вон у него и кирка есть. Он ею камни рубит, видишь? А эта девушка, верхом на коне — Ширин.

— А почему она на коне, папа?

— Храбрая, стало быть, сынок. Ешь, только не пролей. Вот Ширин здороваётся с Фархадом.

— А потом?

— Оббо! Эти твои «а потом» словно зараза, ты ведь совсем отца замучил! Ешь лучше,— бранит его мама.

— А потом, говорю!— кричит сынишка, рассердившись.

...И ночью покоя нет: лягу в постель, только задремлю, а он опять сует свою «книжку»: «Почитайте», «А потом?» И я сочиняю до тех пор, пока не перестает варить голова. А он прочно запоминает услышанные «рассказы» и, если я путаю хоть одно слово, он сердится, словно я совершил измену. «Не так! Так не пойдет!» — кричит он до сердцебиения. «А как было, пострел?» — спрашиваю я, еле сдерживая смех и в то же время выходя из себя. «Надо говорить: «В стародавние времена...» — говорит он сквозь слезы.

От моих небылиц он требует глубокого реализма.

Сперва эти его капризы я относил на счет его болезни, однако шли дни и, увидев, что он все сильнее привязывается к своей «книжке», я дивился. Ему совсем не скучно часами рассматривать картинки в альбоме, только при этом я должен сидеть рядом и бесперывно сочинять.

Порой я поздно прихожу с работы: то собрались на собрании

все как на подбор многословные ораторы, то становится много встречающих в очередь без очереди, то вдруг тщетно ожидаешь лживого трамвая. Спеша, поднимаюсь на восьмой этаж и, едва вхожу в квартиру, встречаюсь с сердитым взглядом сынишки.

— Почему вы... почему вы,— черные его глазенки полны слез,— почему вы играете вечно со своими друзьями, а не приходите?

Развязывая шнурки туфель, я открываю рот от изумления. А сынишка стоит напротив меня, прислонившись к стене, и ждет ответа на свой вопрос.

— Ага, мама твоя здорово тебя подучила,— говорю я со смехом.

— Где там,— говорит жена, приоткрыв дверь кухни,— он в этом вовсе не нуждается. Я и сама обалдела от этих его слов.

Я беру сынишку на руки. Он сердито вырывается, отворачивает лицо и с обидой повторяет свой оставшийся без ответа вопрос:

— Почему вы... почему вы со своими друзьями?..

— А почему ты... почему ты зикаешься?—говорю я, допекая его.

Он не умеет выговорить слово «заикаюсь» и произносит вместо этого «зикаюсь».

— Сами ни зикайтесь!— говорит он с еще большей обидой и начинает реветь.

Мы с трудом успокаиваем его, пообещав почитать «книжку».

И сегодня, как назло, я пришел поздно. Протянул руку к кнопке звонка, а сердце екнуло: «Сейчас будет плакать. Раздался звонок. Странно, за дверью голоса сынишки не послышалось. Я снова нажал на кнопку. И опять тишина. Я в третий раз нажал на кнопку, долго не отрывал руки и, потеряв всякое терпение, хотел было вставить свой ключ в замочную скважину, как дверь открылась и на пороге показалась жена с руками, вымазанными тестом.

— Дверь на кухню была закрыта, и я не слышала,— сказала

она.

Коридор, который каждый день был усыпан игрушками сына, на этот раз был аккуратно прибран.

— А где Бехзад?— оторопело спросил я.

— Дома.

— Спит, что ли?

— Нет.— Жена виновато пожала плечами и направилась в большую комнату.— Сидел играл. Сколько раз говорила, не трогай, куда там... Таким непослушным становится этот ваш...

А «этот мой» сидел посреди большой, светлой комнаты и такое там сотворил, что когда я вошел, то от изумления чуть чувств не лишился. В левом углу комнаты стояло трюмо, и на его полке мы хранили пластинки. Сынишка мой вытащил все пластинки из конвертов и выложил из них посреди комнаты длинную дорожку в форме буквы «П»: большие диски — с одной стороны, маленькие — с другой. Сам же он сидел на стуле, который четырьмя своими ножками опирался на пластинки, а в руке у него была еще одна пластинка, которую он крутил, словно руль. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил ни моего прихода, ни пристального взгляда. А на полу-валялись песни радости и печали, музыка веков. Я тихонько опустил на колени, песни хафиза Муллы Туйчи, симфонии Бетховена, романсы Рахманинова, Батыр Закиров. Лата Мангешкар, Берта Давыдова... А трехлетний мальчишка, с ножкой, стиснутой гипсом, лепеча, «вел машину» по этим волшебным мелодиям Востока и Запада, и всякий раз, когда он продвигался вперед, волоча стул... пластинки с хрустом ломались.

— Бехзад!

Он обернулся и взглянул на меня. «Папа!»—только сказал он и продолжал свою работу.

— Что ты наделал, сынок, ну что ты наделал?— сдавленным голосом произнес я.

Жена, свечой застывшая за моей спиной, поспешно заговорила:

— Я хотела у него отобрать, а он в крик, по полу катается, кричит: не подходи. Я испугалась, как бы нога опять...

— Папа, это поезд,— сказал Бехзад, указав на пластинки.— Сейчас он поедет, а?

— Да, — растерянно ответил я.— Он уже ушел... давно.— Затем я посмотрел на жену:— Ведь он их все ломает, а?

— А вы обманите его как-нибудь и отберите,— сказала жена.— Вам он уступит.

— Бехзад, — сказал я задумчиво. — Хочешь, я отнесу тебя на улицу?

— Нет,— сказал он быстро.— Я ведь веду поезд, вот, вот...

— А вы...

— Пойдем, тогда я почитаю тебе «твою» книжку. Ну, про мудрого старца, а?

Он хотел было повернуться ко мне, и под его ногой хрустнула еще одна пластинка.

— Встань! Это ведь пластинки, сумасшедший!

Он уставился на меня с безграничным изумлением.

— Это ведь поезд,— сказал он.— Вот смотрите, как он идет: «гуп-пиш, гуп-пиш»!

— Ладно, пусть успокоится,— сказала жена, достав закатившуюся под диван пластинку и протягивая ее мне.— Не то до самого утра будет плакать.

— Да ведь он все пластинки переломает,— сказал я, покачивая головой и внимательно рассматривая пластинку: это был отрывок из «Тихого Дона» Шолохова, в исполнении самого автора. По крайней мере хоть бы эта осталась целой! В этот момент взгляд сынишки внезапно упал на меня, и губы его задрожали...

— На, на, возьми, только не реви,— поспешно сказал я.

— А ты бы сказал папе, мол, когда ты был таким, как я, сколько ты пластинок сломал,— сказала жена, немножко воспрянув духом.

— Когда я был таким, как ты, я не только пластинки, но даже

пиалушки не сломал.

И это была сущая правда. Ибо во времена моего детства у нас в доме вообще не было пластинок, которые можно было бы разбить. Я смутно помню: в нише стоял старенький радиоприемник «Волхов», похожий на маленький сундучок. Сначала он работал отлично, а потом, видимо, испортился и очутился на чердаке, среди всякого хлама. Порой, часами просиживая на крыше, я заглядывал в дырочки на его задней стенке, вовсю пытаюсь разглядеть там крошечных человечков. Ибо я думал, что внутри его находятся маленькие человечки, которые поют песни, разговаривают. Только потом я узнал...

Когда я был студентом выпускного курса, то тоже заимел магнитофон. Купил я его на деньги, заработанные в стройотряде. И мне почудилось, что с того самого дня я должен буду стать счастливым, но, к сожалению, этого не случилось. Напротив, прошло совсем немного времени, и я понял, что оказался гораздо несчастнее, чем в те времена, когда у меня не было магнитофона. Единственным моим благим делом было то, что я решился записать голос своей девяностошестилетней бабушки. Однажды незаметно для нее я включил магнитофон на запись и потихоньку вызвал ее на разговор: я расспросил ее о нашей родне, соседях, о ее правнуках и правнучках, о каждом в отдельности. О необычайной остроте бабушкиной памяти можно бы судить хотя бы по тому, что она знала, как свои пять пальцев, год, день рождения,— также в летоисчислении по животному циклу,— всех своих тридцати восьми правнуков и правнучек и обстоятельства, при которых они появились на свет («Да, тридцать третий год, в конце чилля, второго февраля у зятя Малика появился «двадцатый», я месила тесто после полудня, а гут вдруг пришла Рахбар-хола за суюнчи»). Записав, я дал послушать ей собственный голос. Очень она тогда изумилась.

Спустя немного времени после этого бабушка моя умерла. И вот как-то вечером, когда закончился траур и в доме остались только самые близкие родственники, я включил магнитофон. Тут

поднялся шум-гам, плач, рыдания — словно бабушка умерла вторично... Постепенно мама моя привыкла и время от времени решалась послушать ту кассету. Сидела и молча слушала, а из глаз градом катились слезы. Странно ведь, если вдуматься: человек мертв, тело его давно обратилось в прах, а голос звучит так, словно он стоит перед вами... Нет, все равно уму непостижимо!

Не знаю, может, на любителя, но как бы там ни было, в те времена среди молодежи огромной популярностью пользовался ансамбль «Бони-М», и однажды, поздним летним вечером я лежал в постели и тихонько слушал радио, как вдруг стали передавать концерт этого ансамбля. Я поспешно схватил с полки кассету, вставил в магнитофон и записал. Пока я записывал, то выделял разные па прямо на кровати под эти непонятные мелодии и слова, затем проверил запись, успокоился и уснул.

Проснувшись утром, я глазам своим не поверил: вчера в темноте впопыхах я, оказывается, записал «Бони-М» на ту кассету, на которой был записан голос моей покойной бабушки! Ясные, чистые, простые слова бедной бабушки начисто стер шум чужеземных напевов, как взбесившаяся волна смывает песок на безлюдном берегу. Не знаю, сколько времени я мучился: куда бы я ни пошел, где бы я ни был, я везде ощущал на себе ласковый бабушкин взгляд и над моим ухом как будто обиженно звучал теперь уж невозвратный родной ее голос. Я огорчился, терзался, горевал, но увы... А самое худшее, когда мама узнала об этом, то не сказала ни слова. Молча, опустив голову, пошла на кухню. Я тихонько взглянул в окно: мама спускалась по ступенькам, вытирая краешком подола ресницы. Быть может, она бранила меня, ладно, пусть бы лучше бранила, быть может, боль моя утихла бы немного? Теперь уж не услышать нам голоса моей бедной бабушки — почтенной моей бабушки, умершей на девяносто шестом году жизни...

— Да ведь он уснул,— сказала жена.

Сынишка мой, сладкий, упрямый трехлетний сынишка со сломанной ножкой, тихонько посапывая, спал посреди «осколков

музыкальной культуры». Губы его были крепко поджаты, как будто он и во сне с кем-то ссорился.

Я отнес «хромого завоевателя», уложил его в кроватку, а затем, опустившись на колени, отделил целые пластинки от осколков. Ребенок и впрямь — царь и бог. Вот настоял на своем, сделал все по-своему. Дети — наша боль, наша любовь, наша душа. И, может быть, поэтому я сегодня не смог резко поговорить с сыном? Быть может, придет время и эти горькие упреки, которые я не смог бросить сегодня сыну, я выскажу своему внуку?

Сынишка мой еще слишком мал, ему исполнилось недавно только три годика. Когда-нибудь он подрастет, наберется ума-разума. Вспомнит ли он тогда свои детские шалости? Не пожалеет ли он о разбитых вещах, которые растравили мне душу?

Если не пожалеет, тогда об этом горько пожалею я...

Перевод А. Атакузиева

РОСКОШЬ И НУЖДА

Рахматулле повезло с женой. Об этом единодушно говорили и друзья, и враги. Действительно, Назимахон была из тех женщин, которые делали все, чтобы муж выглядел мужем – опрятным, ухоженным, состоявшимся. Родом она была из Маргилана, где жила Кумушбиби, круглолицая, с тонким станом, глаза всегда улыбаются, если бы она не отрезала свои густые черные косы, то они целовали бы сгиб ее колен. Рахматулла же был из Самарканда – сын полей и пустынь. Они познакомились в Ташкенте, будучи студентами, случайно встретившись на одной из вечеринок. В год окончания института поженились, видно, судьба, остались жить в столице, стали горожанами.

Как все на белом свете, любовь имеет свое начало, кульминацию и предел. До свадьбы Рахматулла любил Назимахон по-сумасшедшему, после свадьбы вместо того, чтобы поостыть, остепениться, навсегда обрета свою красавицу, о которой мечтали многие джигиты, он, наоборот, еще больше влюбился в собственную жену. Назимахон была сладкоречива, ее глаза, слова, весь ее облик были сама чистота, одной своей улыбкой она могла превратить обыкновенные бесцветные мгновения в несравненный праздник.

Рахматулла был из многодетной семьи, где чувства не выставляются напоказ, а взаимоотношения бывают сдержанны, поэтому, будучи из тех, кто в детстве и юности испытывает острую нехватку заботы и внимания, припав теперь к этим родникам, никак не мог утолить свою жажду: чем больше пил, тем больше ему хотелось.

На четвертый год их женитьбы, когда второму сыну Эльзоду было шесть месяцев, Рахматулле предоставили с работы квартиру. До этого он постоянно испытывал чувство

неудовлетворенности, ощущал себя виноватым от того, что они вынуждены были жить на съемных квартирах, постоянно переезжая из одной в другую. Но Назимахон ни разу не то чтобы упрекнуть, даже словом об этом не обмолвилась. Она стойко переносила бесконечные переезды, недовольство капризных старух-квартиродательниц, изнуряющую, как присосавшаяся пиявка, квартплату... и эта ее стойкость была для Рахматуллы огромной поддержкой. Бехзод, начав говорить, играя в любимые игрушки, то и дело, склонив набок голову, произносил: «Вот теперь всё!». Назимахон, приходя в невероятный восторг от слов сына, усвоила эту его милую манеру, и когда в очередной раз возникал квартирный инцидент, усмехнувшись, произносила: «Вот теперь всё!», – и расплывалась в широкой улыбке, глядя на нее, Рахматулла тоже начинал смеяться, на этом инцидент исчерпывался, и неприятность превращалась в веселье. А там, где веселье и смех, любая проблема перестает быть проблемой, от всякого ужаса не остается ничего ужасного.

И вот, наконец, все позади. Теперь у них своя собственная квартира, как говорится, свой дом, своя крыша над головой. Теперь они будут жить так, как им хочется, никто не посмеет даже косвенно их обидеть. В день переезда Рахматулла дал себе слово: пока он жив, в этом доме не будет никаких огорчений!

И в самом деле, в этой квартире, вплоть до вчерашнего дня, никто ни на кого не поднимал голоса, раздавались лишь детские крики и детский плач, никто другой здесь не плакал.

Все началось с наведения порядка в доме.

Назимахон, живя даже на съемной квартире, всюду наводила блеск, получив же квартиру со всеми удобствами, где была и горячая, и холодная вода, вовсе была неустанна: не успеешь глазом моргнуть – как всюду вымыто, вытерто, ни пылинки, ни соринки – чистота и порядок. Временами, возвратясь вечером с работы, Рахматулла не узнавал своей квартиры: мебель переставлена, диван передвинут в другое место, в цветочных вазах благоухают необыкновенные цветы... Комнаты светлые,

всюду блеск и чистота, дети умыты, одеты, бегут наперегонки к отцу, чтобы поздороваться с ним... Довольный, покачав головой, он, улыбаясь, отправлялся в ванную для того, чтобы помыться. Для Назимахон, подававшей ему свежее полотенце, это было приятно, улыбнувшись в ответ, она стремглав бежала на кухню. Затем, громко включив маленький, как коробочка, телевизор, они садились ужинать. Почетное место за столом занимал Рахматулла, рядом с ним устраивались двое его сыновей, на столе горячее ароматное блюдо, в другом конце стола в каких-то весенних одеяниях вся цветущая, как в восемнадцать лет, Назимахон... В такие минуты воздух этого жилища наполнялся блаженством, казалось в окна и двери льются лучи счастья. Бехзод с Эльзодом, ссорясь из-за игрушек, плача и смеясь, наконец, устав, засыпая на ходу, чуть ли не валились с ног, Рахматулла, потрепав им вихрастые чубы, подхватывал их на руки, целовал в лоб, относил каждого в свою постель и, улегшись на диван, принимался читать огромные, как подушки, книги, глубоко веря всему, что там описывалось. Назимахон приносила из другой комнаты плед, укрывала ему ноги, и через мгновение на журнальном столике у дивана появлялся чайник с чаем и какая-нибудь сладость: кишмиш, халва или карамельки, сама же шла в кухню, чтобы продолжить неоконченные дела. Рахматулла, потихоньку прихлебывая чай и «думая думу», радовался своей небольшой квартирке и большому счастью, от этого на душе у него становилось светло и радостно.

Когда становилось совсем поздно, он заходил в спальню и, растянувшись на двуспальном одеяле, как молодой в медовый месяц, с нетерпением дожидался прихода Назимахон, и сам того не замечая, засыпал.

Назимахон, как птичка, входила легкой неслышной походкой, от чего он неизбежно просыпался, сердце его сладко вздрагивало, и он, как чудом, любовался женой.

От шеи, лица, волос Назимахон исходил нежный аромат – будто она только что, обойдя бескрайний цветник, собрала целую

кучу цветов... Это душистое благоухание, опьяняя, сводило его с ума. Два года назад, поехав в командировку в Москву, он на все свои деньги купил одежды для детей и десять мелких, с наперсток, флаконов французских духов, с тех пор у каждой ночи был свой пьянящий аромат.

Однако Назимахон не давала ему переступать границ, глядя его лицо нежно шептала:

– Спите. Завтра вам на работу.

– Хорошо, – говорил он, переполняясь радостью, счастьем, любовью. – Ладно...

Всюду тишина и покой, тусклый свет ночника, в тишине комнаты раздаётся только стук сердец двух влюбленных и их тихий разговор, бесконечный разговор о мечтах, желанных и радостных, о детях, таких сладких и чудных, о прошлых счастливых днях и хорошем светлом будущем...

Они не молодожены, соединившиеся только вчера, а муж и жена с пятилетним стажем, тем не менее, по ночам у них было столько нескончаемых разговоров, сокровенных слов, которые надо друг другу сказать, что казалось, им не будет конца!..

Вот в одну из таких счастливых ночей, когда жена, лежа на спине мечтательно смотрела в потолок, Рахматулла сказал:

– Надо бы пригласить в гости моих коллег по работе. Я же бывал у них на новосельях...

Назимахон, блеснув глазами, обеспокоено погладила его растрепавшиеся волосы и как-то безрадостно прошептала:

– Сейчас? Да бросьте вы!

– Почему?

– Посмотрите, в каком мы положении!

– А что с нашим положением?

Назимахон беззлобно усмехнулась:

– Надо бы привести в порядок наш дом. Мы все еще живем как студенты.

Рахматулла покраснел, но, чтобы скрыть смущение, почесал себе подбородок:

– А что в этом такого? Никто из наших сотрудников не обратит на это внимания.

– Как это никто? А Муаттар Закировна, а Лобархон?

– Да ерунда все это! – сказал Рахматулла, приподняв голову.

– Вы просто не знаете! Женщины на все обращают внимание. Для них очень важно, как выглядит жилище. Рахматулла что-то пробубнил.

– Конечно, пригласим, мы просто обязаны это сделать, – сказала Назимахон, – я согласна, но только позже, хорошо? Подумайте сами, когда еще в другой раз они удосужатся прийти к нам снова...

Рахматулла про себя искренне признал правоту жены.

Он работал научным сотрудником в небольшой лаборатории, отношения с коллегами были нормальные. Судя по тому, что Назимахон часто посещала магазины, была хорошо одета, все полагали, что он из числа «обеспеченных парней», и это где-то в глубине души ему нравилось, терять этот статус в глазах людей ему, конечно, не хотелось бы. Так что Назимахон права, встречать гостей следует достойно, а для того, чтобы их встретить достойно, надо как следует подготовиться, привести кое-что в порядок и только потом... Нет на свете хуже улыбок ради приличия, а еще хуже – усмешек в адрес нерадивых хозяев.

Но на следующий день, когда Рахматулла пригляделся к своему жилищу, он увидел, что подправлять надо не кое-что, а, пожалуй, все, от начала до конца. Прежде всего, нужно купить хорошую мебель – трехкомнатная квартира практически пуста и походит на голодного дракона, готового проглотить все и вся. Пусты и стены. Но все, что он сейчас зарабатывает, уходит на пропитание, Назимахон выйдет на работу только через шесть месяцев, в сентябре, когда Эльзоду исполнится полтора годика...

С того самого дня Рахматулла стал постоянным посетителем, вернее было бы сказать, созерцателем, хозяйственных магазинов. Заходит с горящими глазами, осматривает необыкновенную импортную мебель, мысленно представляет ее у себя дома,

прикидывает сколько нужно времени, чтобы накопить необходимую сумму, тихонько гладит отражающую его лик полированную поверхность и... молча уходит.

Наконец, устав от мифических планов, придя к окончательному решению, в одну из ночей он сказал жене о своем намерении:

– Так больше нельзя. Я решил поменять свою работу.

Назимахон испугалась:

– Почему?

Он выложил ей все, что было у него на душе. Назимахон даже всплакнула: «Может не надо, потерпим, будем довольствоваться тем, что есть, дождемся хороших дней, они обязательно наступят...»

– Интересно, когда же они наступят, эти хорошие дни? – произнес Рахматулла с усмешкой. – Мне уже перевалило за тридцать, считай, полжизни уже прожил.

– Скоро и я выйду на работу, совсем немного осталось, подсоблю вам, как-никак будет помощь... – Назимахон прижалась лицом к его груди.

– Я уже все обдумал, Назимахон, – сказал Рахматулла задумчиво. – У меня нет другого выхода. Мне тоже по вечерам хочется утопать в мягкой мебели, смотреть цветной телевизор. В субботние дни выезжать с вами и сыновьями за город на собственной машине. И, потом, я хочу, чтобы вы не стеснялись, когда к нам будут приходить гости.

– Все со временем образуется, – произнесла Назимахон. – Лично мне ничего не нужно. Лишь бы вы и дети были живы и здоровы.

– Но, если я не буду действовать, то время это никогда не наступит, – твердо сказал Рахматулла. – Родители мне помочь не могут, вам это хорошо известно. Им, дай бог, благополучно пережить братьев моих да выдать замуж сестер, вон их сколько после меня осталось. При возможности, это я им должен помочь. Короче, дела обстоят таким вот образом. Вся надежда, как

говорится, только на себя.

– А что будет с вашей научной работой? – спросила Назимахон после длительного молчания.

– А! – беззаботно улыбнулся Рахматулла. – Какая научная работа, Назимахон! – Я вон уже сделал два великих открытия: одно – Бехзод, другое – Эльзод!

Назимахон мягко шлепнула его по лицу.

– Откровенно говоря, эти колбы меня никогда серьезно не интересовали, – продолжал Рахматулла. – Иногда мне кажется бессмыслицей то, что я поступил учиться, остался в городе и столько лет живу в суете неизвестно зачем, но на самом деле в этом скрыт огромный смысл: иначе бы я не встретил вас!

Сказав так, он горячо обнял жену за плечи.

– Что же теперь будет? – тихо спросила Назимахон.

– Теперь? Теперь все будет хорошо. Вспомню армейскую профессию, шофер первого класса, прекрасное ремесло, всюду с удовольствием примут на работу. Буду в поте лица трудиться, от работы пока никто не умирал, и вы поможете, а после того, как приведем в порядок наш быт...

– Выйдем на пенсию, – засмеялась Назимахон.

– Э, нет, не торопитесь так! Потом у нас родится одна курносая дочурка, назовем ее Кундуз, мне очень нравится это имя...

– Чего захотели! – кокетничая, произнесла Назимахон. – Нам и этих двух хулиганов хватит...

– Этих хулиганов мы женим – вот им наказание! Я тоже до женитьбы на вас вон каким хулиганом был, помните? А теперь вот, полюбуйте, совсем остепенился...

– Да уж, остепенились, наоборот, еще необузданней становитесь! – сказала Назимахон, улыбнувшись, и, спустя некоторое время, спросила: – Интересно, который сейчас час?

– Час... самый подходящий! – У Рахматуллы загорелись глаза

– Нет, нет, подождите. Подождите, вы действительно хотите бросить работу?..

– Уф! Опять спрашивает! Отец ваш вроде бы не был кузнецом?! Зачем бить, как кувалдой, спрашивая об одном и том же! С понедельника сажусь на «РАФ», я уже договорился с одной строительной организацией. Может, потушите свет?

– Послушайте, – сказала Назимахон, – если так необходимо, может, у кого-нибудь возьмем займы денег. Потом потихоньку расплатимся. Наверное, все так поступают?

– У кого возьмем?

Наступило долгое молчание.

– Может, мне к матери съездить?

– Знаю, ваша мать нас очень любит, готова даже жизнью пожертвовать, – произнес Рахматулла задумчиво. – Но нам сейчас нужна не жизнь, а деньги, каких-то пять-шесть тысяч рублей. Но я их у вашей матери не возьму. И вы хорошо знаете, почему я их не возьму, верно?

Назимахон промолчала, ей нечего было сказать, и больше она на эту тему никогда не заводила разговора.

– Нет, вы все равно не уйдете с работы, – сказала она, спустя некоторое время. – Столько лет учиться... Ладно, я согласна, будем экономить на всем, если понемногу начнем копить...

– Нет, – резко прервал Рахматулла, – ради обустройства дома я не намерен экономить на детях. Я желаю, чтобы мои сыновья, как и дети других людей, росли здоровыми.

– Ну, если вы намерены оставить научную работу, то зачем нам оставаться в городе? – произнесла Назимахон несколько обиженным тоном. – Давайте лучше уедем в кишлак!

– В какой кишлак? – рассмеялся Рахматулла. – В самаркандский кишлак вас хоть веревкой тяни – не поедете, в свою очередь, я тоже не смогу быть Атабеком для города Маргилана. Следовательно, само собой разумеется, мы должны жить только в нейтральной зоне.

Сказав так, он улыбнулся, удивившись своей находчивости.

С тех пор возле их подъезда то и дело стал показываться голубой «РАФ».

Осенью к работе приступила и Назимахон. Она стала трудиться в проектном институте, расположенном далеко от дома. Теперь единой целью мужа и жены было привести в порядок дом, благоустроить квартиру для того, чтобы «жить нормально, как люди». Ночные разговоры теперь сократились, не стало времени и на досужее любование проделками детей, они торопливо уходили на работу и торопливо возвращались домой.

Когда живешь в высотном доме, на первый взгляд, кажется, что каждая семья существует сама по себе, но на самом деле, как это водится на Востоке, женщины, поддерживая соседские отношения, заходят друг к другу – то за солью, то за ситом, поэтому быт жителей «девяэтажки» не под семью замками. В силу этого общения в искреннем желании походить друг на друга вперемежку заводятся зависть, соперничество, сплетни, слухи, толки – в целом беззлобно, по-соседски.

– У Захро сделали ремонт, обошелся в восемь тысяч, – сказала однажды Назимахон. – Если увидите, рот раскроете.

Допив последний глоток чая, Рахматулла зевнул.

– Я только и делаю, что рот раскрываю, он у меня уже давно не закрывается. Кто это такая Захро?

– Да с пятого этажа, муж ее Умар-ака, вы его знаете?! У которого «восьмерка» семнадцать, двадцать четыре!

У Назимахон была отличная память на цифры, стоило ей услышать или увидеть их, как они тут же запечатлевались в ее красивой головке.

– А-а... – задумчиво произнес Рахматулла через некоторое время. – Странно, где только люди деньги берут? Вроде, они тоже такая же семья, как мы, оба работают... – добавил он.

– Э, одной работой... Люди стараются, крутятся как могут, – сказала Назимахон, многозначительно сдвинув брови.

– Мы, должно быть, тоже не меньше их крутимся.

– Все равно нам за ними не угнаться, – сказала Назимахон и, взяв со стола чайник, ушла на кухню. Вернувшись, поставила свежесваренный чай на стол и добавила: – Одни бриллианты в

ушах у Захро стоят пять тысяч.

Не поднимая головы, проанализировав состояние и голос жены, Рахматулла с облегчением вздохнул: слава богу, не зависть, не упрек, а так... новость, свершившийся факт!

– И где же она работает, надев пятитысячные бриллианты? – спросил он, сугубо, ради развлечения.

– Ой, разве вы не знаете?.. – начала увлеченно рассказывать Назимахон, как это свойственно женщинам.

Захро, оказывается, на самом деле закончила пединститут, но, поскольку у нее большое сердце, ни дня не смогла работать по специальности, несмотря на маленький оклад, пошла кассиром в аэропорт. Умар-ака – хирург, уролог, специализируется по почечным болезням. У них две дочери-погодки приблизительно такого же возраста, как Бехзод и Эльзод, прямо как двойняшки – Фатима и Зухра...

– Отлично, и невест не надо искать, прямо под носом существуют, будем сватами, – в шутку сказал Рахматулла.

– Да они... – Назимахон вдруг остановилась на полуслове, не стала договаривать, опечалилась, чуть позже отчужденно спросила: – Хотите еще чаю?

– Нет, – устало покачал головой Рахматулла.

Пройдя в спальню, он лег в постель, но, несмотря на усталость, не смог уснуть. Только теперь он осознал, что жена недоговорила на кухне. Она хотела сказать: «Да они вас в копейку не ставят», но не сказала, пожалела... Почему так? Что это такое? Ведь он трудится, не покладая рук честно зарабатывает свой кусок хлеба, разве не он должен пренебрегать такими людьми – не они им, а он ими? На самом деле, это они должны стесняться, а не он. Почему же тогда...

Нет, он никогда не допустит того, чтобы чувствовать себя униженным перед бесчестными и непорядочными людьми! Он еще покажет им что такое труд, и на что способен настоящий труженик! Труд – вот путь к честности и свободе. Он еще поработает честно, в поте лица, и уверен, что недалек тот час,

когда все вернется ему сторицей! И вот тогда он будет говорить на равных, нет, даже свысока, с этими жителями пятого этажа, которые сегодня еле здороваются с ним. Но для этого надо побыстрее и побольше трудиться, стараться изо всех сил, объявить войну лени и беспечности!

«Мужчина к сорока годам должен добиться многого, если не добился, то все – дальше путь к старости», – думал он.

Через неделю он устроился на работу в пожарную охрану. На дежурство ходит раз в три дня ночью. Днем водит свой «РАФ».

С дядей Витей он познакомился на своей новой работе.

Дядя Витя – сторож, мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти, худой, жилистый. Чего он только не умеет делать, мастер на все руки: и плотник, и маляр, и слесарь, и сборщик... Правда, когда выпьет, становится немного многословным, а так, человек добрый, приятный. Как хвалится сам, может починить все – от велосипеда до атомной бомбы.

В первый же день знакомства оба поняли, что нужны друг другу. Дядя Витя приходил на дежурство раз в три дня, в остальное время выполнял частные заказы. Заказчики за ним ходили толпами: «Виктор Андреевич, Виктор Андреевич...» Однако дядя Витя за последние два года заметно сдал, сам это чувствовал, не было прежней силы, стоило пару минут поработать рубанком, как сильно уставал. Одним словом, ему, как воздух, нужен был молодой, сильный, покладистый помощник. То, что Рахматулла не пил, было очень кстати. Ведь это хорошо, когда рядом с любящим выпить мастером постоянно находится трезвый ученик: и работа спорится, и заработок цел.

В субботу они отправились за город – строить финскую баню одному высокопоставленному чиновнику. Мастер промочил горло, и работа закипела, они были как отец и сын. Дядя Витя был настоящим мастером, каждый вбитый им гвоздь можно было бы сравнить с произведением искусства.

На этой даче, расположенной в низовьях горбившихся кругом адыров, Рахматулла, любясь небольшим садом и пестреющим

разными красками цветником, оглядел все с белой завистью, грустно вздохнул и многочисленные свои планы пополнил еще одним...

Назимахон, будучи женщиной сметливой, видя старания мужа, сразу поняла, что не гоже сидеть сложа руки, и по вечерам стала ходить на курсы кройки и шитья, и однажды ночью прошептала Рахматулле:

– В магазин рядом с базаром завезли хорошие швейные машинки, немецкие. Вы мне купите одну, правда?

Рахматулла лежал в полудреме, ленись открыть глаза он пробубнил:

– Да брось ты!

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Назимахон, ластясь к нему, – ну купите, мне она так нужна, ну просто необходима. Хорошо? Ну не отказывайтесь, пожалуйста, купите, а?..

Какой мужчина может устоять перед ночными мольбами женщины? Рахматулла тоже не устоял!

Рахматулла теперь редко бывал дома, лишь иногда, заглянув по пути с одной работы на другую, он заставал детей играющими на улице, а Назимахон сидящей за швейной машинкой. Порой рядом с ней крутились какие-то незнакомые женщины, в такие минуты Назимахон ненадолго оставляла их и, перекинувшись парой слов с мужем, вновь возвращалась к своим клиенткам. Вскоре она прославилась как искусная швея, теперь, мечтая о «платьях сшитых Назимахон», к ней стали ходить женщины и девушки со всего города. Это увлечение жены Рахматулла воспринял вначале как женскую прихоть, но, видя, как изо дня в день растет ее популярность, очень удивился и удовлетворенно улыбнулся.

Каждой перемене и новому предмету в доме они радовались как дети, и чем больше пополнялось и красивее становилось их жилище, тем краше становились они сами.

В одну из суббот дядя Витя заболел, и Рахматулла остался дома. Утром возле жены он увидел двух девушек, но вот уже

наступил вечер, а они все не уходили. Когда Назимахон зашла на кухню, Рахматулла пил чай.

– Ну что, отправили, наконец, своих клиенток? – спросил Рахматулла, полуобернувшись к ней.

Назимахон достала из шкафа чашку и, подсев к нему напротив, сказала:

– Они не клиентки.

– А кто же?

– Ах, я вам еще не говорила? Да позавчера вечером они пришли и спросили, нет ли у нас свободной комнаты. Мне их так жалко стало... вот я и впустила... как квартиранток. Одна из Букинского района, другая из Гулистана, учатся в медтехникуме. Не смогла отказать... – виновато посмотрела на мужа Назимахон.

Рахматулла сильно разозлился и очень недовольно произнес:

– Не могла посоветоваться что ли?..

– Вас же целую неделю не было дома, как я могла посоветоваться? Не злитесь, пожалуйста, это же временно. В конце концов, маленькая комната всегда была пуста... Вы постоянно на работе, мне иногда страшно одной с двумя детьми...

Рахматулла не нашел, что ответить.

Должно быть, от того, что сама много страдала по чужим углам, Назимахон быстро сошлась с девчонками и жила с ними вполне дружно. Лишь Рахматулла своим мрачным видом еще долго выражал недовольство. Назимахон теперь не подпускала его к себе, говоря: «Девчонки услышат», и лишь иногда, когда квартирантки уезжали домой, он мог вкусить улады жены...

Гульсара и Дильдор были простыми искренними девушками, прожив год, они горячо попрощались и съехали от них. В тот вечер Назимахон вручила ему шестьсот рублей:

– Вот выручка от Гульсары и Дильдор, – сказала она и добавила: на память...

Назимахон теперь не была прежней, она сильно изменилась, и тем самым все время его удивляла. Однажды вечером он застал ее стучащей за новенькой пишущей машинкой «Оптима».

– Это еще что? – удивился он.

– Можете поздравить, – сказала Назимахон, поднимаясь с места. – Заказывала в ГУМе одной знакомой продавщице, вчера она мне позвонила на работу, сегодня вот забрала. Посмотрите, самая лучшая марка! – она с любовью провела рукой по поблескивающей поверхности машинки.

– Зачем она вам?

– Буду писать роман, – прыснула Назимахон.

– Нет, серьезно! Чей-то заказ?

– Себе купила, научусь печатать.

– Для чего?

– Нужно! Ой, что это у вас в руках, мясо? Давайте его сюда... Я раньше не знала, оказывается на машинке такие деньги можно заработать! Страница сорок копеек! Халида-апа сказала, обещала научить.

– Это еще кто такая, сестра Халида?

– Вы ее не знаете, из моих клиенток. В редакции работает.

Не зная что сказать, Рахматулла опустил на стул.

– Устали? Сейчас я принесу поесть.

– Нет, я пойду. Дядя Витя ждет, у нас заказ на Тезиковке. Утром оттуда поеду прямо на работу, вечером у меня дежурство. А где дети?

– Да-а... – Назимахон испытующе посмотрела на него, будто вспомнив о чем-то важном. – Я детей оставила в садике, в круглосуточной группе.

– Что-о? – Рахматулла вскочил с места.

Увидев его состояние, Назимахон не на шутку перепугалась:

– Дел стало неprovорот... это временно...

– Зачем вы так сделали?! Зачем?! – задыхаясь прошептал Рахматулла. Они что, сироты? У них что, отец умер, или мать умерла?! Не хотите о них заботиться, скажите открыто, давайте сдадим их в детдом!

Прекрасные глаза Назимахон наполнились слезами, она принялась его умолять:

– Да не мучьте вы меня, я...

Рахматулла не в силах себя сдержатъ, махнул отчаянно рукой и кинулся почему-то в кухню, там в сердцах открыл и закрыл холодильник, потом направился в прихожую и стал надевать на ноги туфли, в это время из комнаты печально вышла Назимахон и нагнувшись принялась протирать ему обувь... Рахматулле стало жаль жену, бедная, ну в чем она виновата, подумал он, в том, что тянет на равных со мной воз, ведь она это делает не для себя, а ради дома, ради детей... Надо потерпеть. Все это временно, совсем немного осталось, потом все образуется...

Однако он, не переставая хмуриться, громко хлопнул дверью.

В четверг, завершив с дядей Витей работу, он вернулся домой в хорошем настроении. Назимахон его встретила с улыбкой, как будто ничего не произошло, всеми силами души привечая его, летала, как мотылек, дети все еще находились в саду, он промолчал – и быт их вновь налажился.

Между тем, прямо рядом с их домом построили и открыли вечернюю школу. Как-то раз, торопливо проходя мимо, он заметил на столбе объявление: школе срочно был нужен сторож. Он сорвал объявление и, забежав домой, показал Назимахон:

– У меня одна ночь свободная, может быть, оформимся на ваше имя, что скажете?

Назимахон не возражала, что ж, если временно, то...

– На ваше усмотрение, – сказала она, – если будет очень уж страшно одной, то возьму опять на постой каких-нибудь девчонок, они уже не раз приходили.

В данный же момент ей некогда даже голову поднять, перед ней гора рукописей: чья-то книга, чей-то диплом, какие-то диссертации.

Таким образом Рахматулла добровольно обрек себя на «изгнание» из дома. Теперь он обитал в основном на работе: на одной ночевал, на другой перекусывал, на третьей брился. Иногда такая жизнь казалась ему следствием ненасытности, но он не мог ничего с этим поделать.

Шли дни, месяцы.

Ближе к лету Рахматулла затеял большое дело, благодаря тонкому вкусу Назимахон, золотым рукам дяди Вити и молодой силе Рахматуллы, в их жилище произошло чудо. Деньги, оказывается, способны пробуждать мысль, идеи рождались одна за другой. После четырех месяцев капитального ремонта, его, как он в шутку назвал, «фундаментального труда» их квартира изменилась до неузнаваемости. Всюду, вплоть до туалета, были установлены дубовые двери. Надоевшую домашнюю утварь и старую мебель Рахматулла с удовольствием снес к мусорному баку. Отремонтированную по последнему слову строительного мастерства квартиру он обставил новой югославской мебелью «Орхид», за три тысячи рублей купил японскую стереосистему, приобрел цветной телевизор с французским кинескопом, каждую комнату обвешал до потолка роскошными арабскими коврами – все было так, как он мечтал, а может быть и того лучше.

Муж и жена не могли нарадоваться. Все это было сделано их честным трудом, за счет их бессонных ночей, за счет отдыха, за счет лишения себя радости общения с детьми, за счет их страданий. У каждого предмета в доме своя история, эта история пропитана их кровью и потом и для них бесконечно дорога, священна!

Теперь в этих роскошных комнатах оставалось только наслаждаться жизнью, но, к сожалению, у Рахматуллы на это не было времени: с раннего утра он, как кот гонимый собакой, мчался с работы на работу, а в субботу и воскресенье его с нетерпением дожидался дядя Витя.

В один из осенних вечеров они устроили новоселье. Пришло много людей: приглашенные с трех работ Рахматуллы, коллектив Назимахон, восемь человек из лаборатории во главе с Муаттар Закировой, родственники из Самарканда и Маргилана, соседи, клиенты, квартиранты...

Вечер выдался на славу, все было на высшем уровне, всем было весело и приятно, гости восхищались, каждый желал себе

такого же благополучия.

После того, как гости разошлись и остались самые близкие, отец Рахматуллы спросил:

– Ты переехал в другую квартиру, сынок?

Рахматулла, улыбнувшись, посмотрел на Назимахон. Назимахон не в силах скрыть своей радости, расставляя на стол сладости, улыбаясь ответила:

– Эта та же самая квартира, только сын ваш кое-что в ней переделал.

Назавтра отец собрался в дорогу. Когда Рахматулла, провожая его, спустился с ним вниз, тот сказал:

– Скучно мне стало, сынок. Твой дом стал похож на магазин. Как вы в нем живете?

Рахматулла опять лишь улыбнулся.

– Ладно, будьте живы-здоровы, – сказал отец, прощаясь на вокзале. – Главное, зарабатывай себе на жизнь честным трудом, сынок. То, что добыто недозволенным путем, не пойдет впрок.

– Э, о чем вы мне говорите, отец? – произнес Рахматулла обиженно.

– Сейчас время сытное, – сказал отец, будто не слыша его слов, – все, что душе угодно, имеется. Вы не видели тех времен, когда люди жили в нужде, и не дай бог вам увидеть такое. Но нужду можно одолеть, а вот чрезмерную сытость... Не знаю, сынок.

Рахматулла вернулся домой с камнем в душе.

На следующий день вечером Назимахон, стуча на машинке, начала такой разговор:

– Если еще немного постаремся, то к весне сможем купить машину.

– Э, может, хватит уже! – сказал Рахматулла возмущенно. – Я устал, жить хочу нормально. Вон сколько лет работаю без отпуска. Вы тоже прекратите напрягаться, поухаживайте лучше за детьми, за собой...

– А что со мной? – произнесла она игриво. – Или... – приподняв голову, уставилась на него жеманно.

– В погоне за достатком все забросили. Я уже не помню, когда в последний раз брал в руки книгу.

– Машина тоже необходимость, – сказал Назимахон. – Я согласна, купим машину, потом, пожалуйста, можете возвращаться к своей научной работе.

Рахматулла даже присвистнул.

– Вы думаете, о чем говорите? Научная работа – это вам не баню строить!

– Э, стоит вам только захотеть...

– Мне теперь хочется только спокойной жизни.

– Хорошо, но сначала купите мне машину.

С одной стороны, Рахматулле хотелось жене многое сказать. Мол, Назимахон, если помните, мы познали и нужду: была вереница дней, когда мы сидели без денег. В один из таких дней – вы не знаете этого Назимахон, – когда вы лежали в больнице с Эльзодом, нам не на что было приготовить еду и отвезти вам. Но мы преодолели эти дни, все уже позади, давайте теперь будем жить спокойно, дружно, радуясь тому, что есть, я тоже устал, ведь я не двужильный, я так старался ради дома, ради детей... Но с другой стороны... он понимал, что сейчас ушам Назимахон слышится лишь сигнал «Жигулей» марки «08».

Дни бежали за днями, прошло время.

В конце осени, наконец, сбылась их мечта: у подъезда появилась машина, «Жигули» молочного цвета. Правда, немного не хватило, но дядя Витя подсобил.

В субботу, как он уже планировал много лет, Рахматулла посадил в машину жену, сыновей и повез за город. Они поехали в сторону Паркента, где целых два дня наслаждались: пили кумыс, лазили по склонам гор, на обратном пути прихватили целую корзинку «дамского пальчика», самого сладкого, с нежной кожицей, винограда. От одной этой поездки усталость у Рахматуллы как рукой сняло, на душе стало легко и чисто.

В понедельник, взяв со стула старые джинсы, он стал поспешно натягивать их на себя, но Назимахон остановила его:

– Знаете что, оставьте эти брюки, не надевайте их больше.
– Почему? – удивился Рахматулла.
– Да вы их уже вдоволь поносили, сколько можно?!
– Да, ладно вам! – Рахматулла продолжал натягивать штаны.
– Нет, не надевайте. Вы хоть оглядываетесь на улице по сторонам?

– А что там?
– На кого ни посмотри, на всех джинсы. Совсем обесценились. Так что можете их больше не надевать. Я вам что-нибудь другое куплю.

Через два дня она подарила ему сшитые ею по последней моде брюки из китайского кашемира.

– На следующей неделе нам установят телефон, – сообщила новость Назимахон, когда он собирался уходить. – Теперь вам станет очень удобно. Так что можете дать сунучи.

– Правда? Вот это здорово! Надо же, как быстро очередь подошла.

Назимахон расхохоталась:

– Ох, и простодушный вы, хозяин! Ваша очередь и за тридцать лет не подойдет.

– А как же тогда? – растерялся Рахматулла.

– Да вот, выдался удобный случай.

Как выяснилось, Назимахон сшила вечернее платье некой Сусанне Владимировне, которая оказалась одной из руководителей телефонной станции, они очень подружились, и та пообещала помочь с установкой, разумеется, надо будет поднести ей что-нибудь в подарок, как говорится, не подмажешь – не подъедешь, но зато дома будет телефон.

– Но ведь в наш дом линия еще не подведена? – сказал озадаченно Рахматулла.

– Почему это не подведена? У Захро вон уже два года как он установлен...

К чертовой матери! Опять эта Захро! Сколько можно говорить об этих соседях с пятого этажа! Когда только закончится эта

гонка?!

Рахматулла, торопливо шагая, думал: как только рассчитается с долгом – уйдет из пожарной команды и сторожить бросит, и с дядей Витей расстанется, вот тогда отоспится вдоволь!..

Но, оказывается, планы Назимахон совсем другие, он обиделся. Вон она как заговорила: даже Сулеймановой горе придет конец, если потреблять, улегшись на боковую, в хозяйстве еще столько дыр, в этой пятилетке нужно приобрести видеомагнитофон, съездить в путешествие в Японию, надо же мир посмотреть...

Рахматулла не стал с ней спорить.

В среду у него выдался свободный час, и он заглянул домой. Только было собрался выпить чаю, как вернулась с работы Назимахон.

– Вчера я напекла печенья для детей, чтобы они, придя в субботу, поели, – сказала она, выходя переодетой в халат и застилая скатерть. – Попробуйте и вы. Поесть вам приготовить?

Рахматулла зачарованно засмотрелся на жену.

– Как вы похорошели... – прошептал он, обнимая ее за тонкую талию.

– Оставьте меня, у меня еще куча недоделанных дел. Ну не надо...

– Я соскучился по Кундуз. Очень, очень... – прошептал Рахматулла. – Когда...

– Э, зачем это нужно? Я теперь хоть убей, не стану рожать.

– А вот и нет! Кто это вам позволит? – шутливо пригрозил Рахматулла. – Еще...

– Вы думаете, легко рожать? Хватит, настрадалась уже! Я тоже хочу пожить в свое удовольствие. Приготовить что-нибудь, чего молчите?

– Нет, – произнес Рахматулла, как-то вдруг сникнув. – Я сейчас уйду.

Это произошло в среду. В четверг дядя Витя увез его работать на Чиланзар, оттуда он утром поехал на свою основную работу.

Вчерашний труд был очень тяжок, а позавчера в Старом городе до утра тушили пожар, и теперь голова была тяжела, как чугун.

Ближе к вечеру он выехал с Юнусабада, чтобы привезти рабочих. Несмотря на то, что солнце уже садилось, было очень жарко, воздух раскален, как металл, чем больше вдыхаешь, тем жарче в груди. Возле кинотеатра «Казахстан» загорелся красный свет светофора, он остановил машину, всматриваясь в дорогу, вздрогнув, с трудом приподнял отяжелевшие, как свинец, веки. Проезжая мимо парка Победы, он на мгновение, на секунду, задремал...

Хоронили его в субботу, ровно в полдень. Из Самарканда утренним рейсом прилетели родственники. Все рыдали – от мала до велика.

Люди пришли отовсюду, с трех его работ. Оказывается, везде его очень любили. Все три организации выделили материальную помощь и вручили Назимахон.

За одну ночь Назимахон превратилась в тень, глаза ее смотрели на человека бессмысленно, от денег она отказалась.

– Ничего не нужно, – прошептала она, – ничего...

После трехдневного траура Назимахон, облачившись в черное, приступила к работе. Ей хотели предоставить отпуск, но она отказалась. Теперь она по вечерам как всегда работает: то на швейной, то на пишущей машинках. Двадцатидневные поминки Рахматуллы она хочет провести очень пышно – приготовить плов из двухсот килограммов риса, созвать людей со всей округи, пригласить коллег с трех работ, позвать родственников из Самарканда и Маргилана и еще много, много людей...

Перевод с узбекского Раъно Азимовой